

Диалоги. Людмила Евгеньевна Улицкая, Михаил Борисович Ходорковский ulitskaya.ludmila.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://ulitskaya.ludmila.ru/> приятного чтения!

Диалоги. Людмила Евгеньевна Улицкая, Михаил Борисович Ходорковский

Предисловие

Когда в нашей стране поменяли президента, западные журналисты вместо прежнего дежурного вопроса “Нравится ли вам Путин?” стали спрашивать “Что собой представляет Медведев?”. Я честно отвечала – не знаю. Впрочем, никто в стране не знал. Человек возник из воздуха. Известно, что юрист.

Скоро узнаем, – отвечала я. – Если Ходорковского отпустят, значит, это самостоятельная политическая фигура. Если нет – лицо фиктивное.

Ходорковского не отпустили. Более того, затеяли еще одно дело, на этот раз уже совершенно высосанное из пальца. А Ходорковский в этих обстоятельствах ведет себя замечательно – с чувством собственного достоинства, бесстрашно и даже, пожалуй, дерзко.

У меня своя личная история: я вообще-то не люблю богатых. У меня обостренное чувство социальной справедливости, мне за богатых бывает стыдно.

Это мой предрассудок, я признаю. У других тоже бывают слабо мотивированные пристрастия: одни не любят евреев, другие таджиков, третьи милиционеров, четвертые – собак породы пит-буль.

Я ни “Юкосом”, ни Ходорковским особенно не интересовалась, пока не обнаружила в разъездах по нашей бескрайней родине, что, куда я ни попадаю, всюду работают программы Ходорковского: в детских домах и колониях, в школах и в университетах. А я, надо сказать, несколько лет тому назад была в Стенфордском университете, придуманном и построенном на деньги одного очень жестокого и даже с подмоченной репутацией капиталиста, мистера Стенфорда. Я эту историю внимательно изучила. Стенфордом восхитилась. И поняла, что нашей стране не хватает таких людей. То есть они – Боткины, Солдатенковы, Щукины, Хлудовы, Третьяковы – были в изобилии в начале XX века, но советская власть их истребила. И вот именно когда я обратила внимание на огромный размах социальной благотворительности Михаила Борисовича Ходорковского, я обрадовалась и подумала: наше дело не так безнадежно.

Вскоре как раз Ходорковского скрутили, компанию его забрали и, кажется, развалили, или во всяком случае “распилили”, а от огромной, прекрасно организованной системы благотворительности остался, кажется, один интернат для детей-сирот “Коралово”. Его пока еще не удалось развалить и захватить хорошую под ним землю.

Словом, чем дальше, тем мне больше нравился Ходорковский – вплоть до того, что вступила я с ним в опосредованный (через адвокатов) контакт. Задала кое-какие вопросы. Получила ответы, которые меня в большой степени удовлетворили.

Теперь я знаю об обстоятельствах этого дела гораздо больше, чем год тому назад. Все гораздо хуже, чем может показаться с первого взгляда.

Отбросим безусловные аргументы в пользу сегодняшнего дня: в конце концов не расстреляли в подвале Лубянки на третий день после постановления “тройки”, не отравили радиоактивным плутонием или ядовитой колбасой, а организовали дорогостоящий процесс. Держали в Читинской области, откуда перевезли на процесс в Москву не в теплушке, а на самолете, а керосин нынче дорог. Платят зарплату судье, прокурорам, охранникам, уборщицам, шоферу, который привозит заключенных Ходорковского и Лебедева на процесс четыре раза в неделю на бронированном чудовище большой, огромной даже стоимости.

Мы, налогоплательщики, оплачиваем это долгоиграющее издевательство над здравым смыслом. Мы, граждане, ничего не можем сделать, чтобы прекратить этот фарс. Мы, родители детей, которым жить в этой стране, ничего не можем сделать, чтобы изменить то, что никому не нравится. Это опасно для будущего.

Я – за Ходорковского и Лебедева. Против абсурда и беззакония. Против бездарности и лжи.

Людмила Улицкая

1.
15.10.08

Уважаемый Михаил Борисович!

Возникла возможность с Вами пообщаться, и я этому очень рада. Семейная моя история такова, что мои деды просидели в сумме больше двадцати лет, друзья-шестидесятники тоже внесли свою лепту в этот котел. Да и тема эта для русской литературы очень существенна – настолько, что в прошлом месяце я даже написала предисловие к книге “По тюрьмам” Эдуарда Лимонова, человека очень разнообразного и малопримемлемого. Так случилось, что я даже для детей сейчас курирую книгу “Преступления и наказания”, где опять-таки все про то же – история тюрем, виды наказаний и пр. Потому, если наша встреча действительно состоится – чего бы мне очень хотелось, – то поговорить бы об этом. Вы ведь знаете, что есть две точки зрения: Солженицын считал, что опыт тюрьмы человека закаляет и очень ценен сам по себе, а другой сиделец, менее счастливый, Варлам Шаламов, считал, что опыт тюрьмы в нормальной человеческой жизни непригоден и неприменим вне тюрьмы.

Последние годы жизни Юлия Даниэля мы были дружны, и хотя он не любил говорить об этом времени, но впечатление у меня тогда сложилось, что это очень важное испытание, и для него оно легло не на пустое место, а на его фронтальной опыт. Но, в любом случае, для Вас еще не настало время, когда Вы сможете вспоминать о прошлом, сегодня – это Ваша реальная жизнь. Как Вам удастся с ней справиться? Нет ли ощущения дурного сна? Хотелось бы узнать, как изменилась система ценностей: какие вещи, казавшиеся важными на воле, потеряли смысл в лагере? Образуются ли новые внутренние ходы, какой-то неожиданный опыт?

Это мое письмо – простите! – прикидочное: ведь Вы человек, о котором постоянно говорят и помнят, для одних – борец и острый политический деятель, для других – страшилка, но, в любом случае, Ваша ситуация оказалась бесконечно обсуждаемой, а интерес к Вам не иссякает. В свое время Анна Ахматова сказала о Бродском, когда его сослали: “Какую биографию они делают нашему рыжему”. Вам действительно “делают” биографию, и хотелось бы, чтобы об этом можно было говорить в прошлом времени. И это тоже одна из причин, почему бы мне хотелось с Вами встретиться и побеседовать.

С уважением, Людмила Улицкая

2.
15.10.08

Уважаемая Людмила Евгеньевна!

Большое спасибо за письмо и поддержку. Понял истоки Вашего внимания. Надо отметить, типичные для значительной части нашей интеллигенции. К сожалению, т.к. тюрьма – не самый лучший опыт. В связи с чем мне больше по душе Шаламов, чем Солженицын. Думаю, разница в их позиции связана с тем, что Солженицын считал авторитарный, а значит, тюремный способ управления страной, допустимым. Но, как “гуманист”, полагал необходимым опытом управленца опробование розг на собственной спине. Достоин уважения, но не присоединяюсь.

Тюрьма – место антикультуры, антицивилизации. Здесь добро – зло, ложь – правда. Здесь отребье воспитывает отребье, а приличные люди ощущают себя глубоко несчастными, т.к. ничего не могут сделать внутри этой отвратительной системы.

Нет, это чересчур, конечно, могут и делают, но так жутко смотреть, как каждый день спасаются единицы, а тонут десятки человеческих судеб. И как медленно, оборачиваясь и возвращаясь, движутся перемены.

Мой рецепт выживания – учиться понимать и прощать. Чем лучше, глубже понимаешь,

Диалоги. Людмила Евгеньевна Улицкая, Михаил Борисович Ходорковский ulitskaya@ludmila.ru надеваешь чужую шкуру, – тем сложнее осуждать и проще прощать.

В результате иногда происходит чудо: сломанный человек распрямляется и, собственно, становится человеком. Тюремные чиновники этого страшно боятся и совсем не понимают – как? почему? А для меня такие случаи – счастье. Мои адвокаты видели, и не один раз.

Конечно, без уверенности в семье, без их поддержки было бы совсем тяжело. Но в этом и беда, и преимущество попадания в тюрьму в зрелом возрасте: семья, друзья, тыл.

Здесь важнейшее условие – самодисциплина. Либо работаешь над собой, либо деградируешь. Среда пытается засосать, растворить. Конечно, бывает депрессия, но её можно переламявать.

Вообще, чем жестче внешняя обстановка, тем мне лично лучше. Удобнее всего работать в ШИЗО, где появляется ощущение прямого, непосредственного противостояния враждебной силе. В обычных, по здешним меркам, условиях поддерживать мобилизацию тяжелее.

Извините, пишу, что называется, “заметки на полях”. Не думая. Завтра – очередной суд.

С удовольствием продолжу диалог.

С глубоким уважением, М.

З.
16.10.08

Дорогой Михаил Борисович!

Спасибо за ответ, написанный накануне суда. Сейчас, в это самое время, идет судебное заседание, и вечером мы узнаем по радио что-нибудь – почти наверняка нерадостное.

Письмо Ваше меня поразило. Отбросило в другую реальность: как будто мы в разных углах мироздания. Но есть одно существенное и общее – осознанное отношение к личному жизненному пути. Место, где это осознание столь плодотворно происходит, в Вашем случае – тюрьма в квадрате. Как еще можно назвать карцер в местах лишения свободы? Ниже не упасть. Одновременно – неожиданная высота духа несломленного и ума, напряженно работающего. Так сидит в ледяной пустыне тибетский монах, растапливая вокруг себя своей теплой задницей или иным нам неведомым способом полянку, на которой начинают расти травы и цветочки. И вырастают на этой поляне редкие плоды осознания себя и окружающего мира, сострадания, терпения. Вот уж поистине, те ребята наверху (в обоих смыслах!) Вам делают не только известность, разного рода славу – хорошую или дурную, в этой системе координат не имеет значения, – но с Вами происходит процесс, которым мог бы руководить мудрый гуру, духовный учитель, старец какой-нибудь или кто там на это место назначен.

Меня всегда очень увлекал тот поток, в котором находится человек от рождения до смерти. Поток тебя несет, а ты плывешь по течению, предугадывая его повороты, то попадая в середину течения, то делая самостоятельное движение, чтобы несколько изменить направление. И здесь всегда есть начальная точка, когда ты осознаешь свою жизнь вписанной в общий поток и все последующие моменты “переориентировки”. Это очень увлекательная история – каждая человеческая судьба. Думаю, что Вы можете сказать больше, чем многие люди, которым жизнь не давала такого экстремального и разнообразного опыта. Вам дали время подумать. Насильственно. Но Вы оказались хорошим учеником. Вот об этом я и хочу поговорить.

Возьмем исходную точку: детство, семья, установки и намерения. Как Вы планировали свою жизнь в то время, когда вообще эта идея возникает?

У меня это произошло очень рано: родители были более или менее ученые. Традиционные “менеэсы”, хотя и со степенями. Я и была нацелена на науку – это

Диалоги. Людмила Евгеньевна Улицкая, Михаил Борисович Ходорковский ulitskaya@ludmila.ru была биологией, и в моем сознании очень удачно уживались идеи “служения человечеству”, удовлетворение тщеславия и ошибочное представление о том, что наука – наиболее свободная область. Естественно, все иллюзии со временем рассыпались. Расскажите, а как Вы мальчиком видели свое будущее? Что было Вашей жизненной программой в юности? Я знаю, конечно, что Вы были в комсомоле, и даже функционировали в том пространстве, которое для меня (я Вас старше на 15 лет) было совершенно неприемлемым. Вероятно, Вы чувствовали себя своим или по крайней мере мимикрировали под “комсомольских деятелей”, потом оказались “своим” в среде “олигархов”, где тоже своя занятая и привлекательная для народных масс жизнь. Вы явно превысили пределы дозволенного, нарушили некий неписанный закон (сознательно или неосознанно), то есть перешли границу “дозволенного” в том высшем кругу, куда мой глаз не проникает и, честно говоря, никогда и не стремился проникнуть. Вот я как раз и хочу поговорить об этом.

Каждый из нас выбирает для себя свою собственную границу, которую он не переступает. Для примера: моя подруга Наташа Горбаневская вышла на площадь в 1968 году с трехмесячным ребенком и потом получила “психушку”. У нее инстинкт самосохранения если не отсутствовал, то явно был ослаблен. Я бы не вышла и без ребенка. Просто от животного страха. Но я не могла проголосовать на собрании в Институте общей генетики, где работала тогда, “за осуждение” и протопала вон из зала под изумленные взгляды сослуживцев в тот момент, когда надо было поднять руку. Это была моя граница. Очень скромная. Заплатила недорого – при первой возможности уволили. Стала в конце концов книжки писать. Где пролегли Ваши этические границы в юности? Как они менялись со временем?

Я совершенно уверена, что Вы об этом думали, и даже читала некоторые Ваши высказывания на этот счет. Но нам, чтобы разговор наш был плодотворным, надо пройти шаг за шагом к сегодняшнему дню. Кстати, не могу Вам не сказать, что по радио нам сегодня сообщили, что условно-досрочное освобождение Вам не дали.

Суд свое дело знает. Ничего другого и не ожидали. Таким образом, у нас есть некое неопределенное время для разговора на эту отвлеченную, но интересную тему, и мы сможем продолжить наше общение.

С уважением, Людмила Улицкая

4.
10.11.08.

Уважаемая Людмила Евгеньевна!

Спасибо за письмо и за проявленный интерес.

Мои воспоминания носят совершенно отрывочный (эмоциональный) характер, т.е. то, что эмоционально окрашено, – помню, остальное – почти нет.

Иногда происходит замещение памяти, то есть помню то, что на самом деле рассказывали родители. Тем не менее “отчетливо”, с детства хотел стать директором завода. В общем это не удивительно: родители всю жизнь работали на заводе, детский сад – заводской, пионерлагерь – заводской, директор завода – везде главный человек.

Мои мама и папа, как я теперь понимаю, весьма не любили советскую власть, но всячески ограждали меня от своего влияния в этом вопросе, считая, что иначе испортят мне жизнь. И я вырос “правоверным” комсомольцем безо всяких сомнений в том, кто друзья и кто – враги.

Выбирая свой путь в жизни, ориентировался не просто на химическое производство, а на оборонное направление, т.к. считал, что самое главное – защита от “внешних врагов”.

Комсомольская работа в институте была, конечно, не проявлением политического призвания, а стремлением к лидерству. Собственно, я никогда идеологией не занимался, моя стезя – оргработа.

Стройотряды, заводская рабочая практика – все это очень нравилось именно как

Диалоги. Людмила Евгеньевна Улицкая, Михаил Борисович Ходорковский ulitskaya@ludmila.ru
возможность самореализации производственника, менеджера.

Когда после института меня распределили в министерство – Госгортехнадзор, – был крайне огорчен, т.к. хотел на завод, и поэтому отпросился в райком комсомола, чтобы не идти на три года в министерство.

Дальше – центры НТТМ, бизнес, защита Белого дома...

Интересно, что секретарь парткома института предлагал мне в 1987 году продолжить “комсомольскую” карьеру и был поражен, когда я выбрал “хозрасчетные штучки”.

Что же касается “барьеров”, то они для меня заключались в одном: никогда не изменять своей позиции под давлением силы, а не аргументов. У нас был прекрасный ректор Г.А.Ягодин. Он называл меня “мой самый непокорный секретарь” (имелось в виду секретарь факультетского комитета комсомола). Понятно, что он мог легко меня сломать, но не делал этого, позволяя закалиться характеру. К сожалению, в 1985 году он ушел из института на повышение.

Мне повезло и второй раз. Секретарем нашего свердловского райкома партии была Кислова, а членом бюро – министр промышленности стройматериалов Ельцин Б.Н. Я получил от них настоящий урок мужества, когда их “гнобили”, а они не сдавались. Причем, Кислова не сдала Ельцина. Чего ей это стоило – могу себе представить.

К слову, в 1999 году депутатом от Томской области, где я работал, был Лигачев Е.К., который всячески пытался “гнобить” уже меня. Я запретил нашим атаковать его в ответ, т.к. он был уже очень пожилым человеком, хотя сказать было чего “с избытком”.

Я считал себя членом команды Ельцина. Одним из очень многих. Именно поэтому пошел защищать Белый дом в 1991 году и мэрию в 1993-м, именно поэтому вошел в неформальный предвыборный штаб в 1995–1996 годах. Это, пожалуй, стало самым опасным мероприятием в моей жизни (почти). Именно из-за Бориса Николаевича я не выступал против Путина, хотя и имел про него свое мнение.

Что же касается “олигархической” тусовки, то я всегда выступал против такого обобщающего понятия. Мы были совершенно разными людьми. Гусинский и Березовский, Бендукидзе и Потанин, я и Прохоров. У нас совершенно разные цели в жизни, восприятие жизни. Скорее, были нефтяники и металлурги, массмедийщики и банкиры. И то, наверное, будет не очень точно.

Думаю, могу определить себя как вольтерьянца, т.е. сторонника свободомыслия, свободы слова. Б.Н. Ельцин в этом плане был моим идеалом, как до него и Г.А. Ягодин. Работа с ними не вызывала у меня внутреннего протеста.

Разгром НТВ (я пытался им помочь деньгами, что мне вменили в первом процессе) стал моим “Рубиконом”. Именно разгром команды, а не переход собственности, поймите правильно.

Пока прервусь. Благодарю Вас за письмо. Надеюсь на продолжение общения.

С уважением, М.

5.
18.11.08

Уважаемый Михаил Борисович!

Письмо Ваше на этот раз меня удивило своей неожиданностью: полжизни мы выстраиваем стереотипы, разного рода штампы и клише, потом начинаем в них задыхаться, а годы спустя, когда наработанные стереотипы начинают рушиться, очень радуемся освобождению. Пока что я говорю о своих представлениях. Постепенно, надеюсь, и до Ваших доберемся.

Итак. Ваши родители – добротные шестидесятники хороших кровей – инженеры, производственники, честные, порядочные – ваш папа с гитарой в одной руке и с рюмкой в другой, веселый и живой, мама, готовая всегда и гостей принять, и

Диалоги. Людмила Евгеньевна Улицкая, Михаил Борисович Ходорковский ulitskaya@ludmila.ru помочь подруге в трудных обстоятельствах. И их отношения с советской властью понятны: а пошла она... Дети шестидесятников, прочитавшие в девятом классе перепечатанные на машинке "Архипелаг ГУЛАГ" Солженицына и "1984" Оруэлла, брезгливо от власти отшатывались и в лучшем случае писали диссертации, работали врачами или лифтерами либо участвовали в социальном движении, которое впоследствии называлось "диссидентским". Часть этих подросших детей прошла опыт тюрьмы и лагерей в 70–80 годах, часть эмигрировала на Запад. А Вы как-то убереглись от этого и удачно встроились в тогдашнюю машину, нашли в ней свое место и эффективно работали. Особенно трогает невинность, с которой молодой человек готов пойти хоть в "оборонку", потому что родину надо защищать.

Два десятка лет разницы в возрасте исключают ситуацию, которую легко вообразить, будь мы ровесниками. Когда я с тошнотой отвращения и с туристической путевкой в кармане приходила в комитет комсомола факультета для получения характеристики, то сидели там либо прожженные карьеристы, либо идиоты – и я отвечала на вопрос, кто там у них в Болгарии секретарь ЦК партии. Я туда пошла в 60-е, а Вы там сидели, или в соседнем кабинете, в начале восьмидесятых. Несомненно, Вы принадлежали к кругу людей, с которыми я, мягко говоря, не дружила.

Оказывается – что меня и удивило в Вашем письме, – у кого-то из этих людей в 80-е годы могла быть "позитивная" мотивация. Вы там присутствовали – молодой, талантливый человек, мечтающий стать "директором завода", осмысленно и правильно что-то производить, может, даже оружие для защиты родины. И там, в этом окружении, Вы видели "прогрессистов", как Ельцин, и ретроградов, как Лигачев. Вы находились внутри системы, и нашли там свое место, и создали команду. Вы пишете, что идеология Вас не интересовала, а имело значение "стремление к лидерству". Но это стремление – приличное определение понятия "карьеризм". Это не ругательство, а определение. Карьера, дело – важнейшая часть жизни нормального мужчины. Сегодня – и женщины тоже. Но, как мне казалось, предлагаемые там, внутри системы, правила игры были таковы, что порядочному человеку их принять было невозможно. А Вы-то были мальчиком из приличной семьи. Как можно было ухитриться вырасти "правоверным" комсомольцем безо всяких сомнений в том, кто друзья и кто – враги? Значит, это было возможно. У меня нет оснований не доверять Вашему анализу. Значит, я была пристрастна в своем полном неприятии всех партийных и полупартийных людей.

В восьмидесятые годы в руководстве страны (да и на всех уровнях, вплоть до бани и детского сада) была уже полностью изжита любая общественная идеология, и оставался только пустой каркас.

Теперь вижу, что я неполно представляла себе картину. Может, и вовсе неверно. Отвращение к советскому строю было во мне столь велико, что я не допускала, что в этой позднекоммунистической среде можно на кого-то ориентироваться, кому-то доверять. Даже кумира найти. Ельцин был для меня одним из партработников, и я страшно заволновалась, когда все мои друзья побежали к Белому Дому, а я сидела у себя дома и горевала: почему мне не хочется бежать на эту демонстрацию вместе со всеми?

Через несколько дней сказала: если будет люстрация, как в Германии после поражения нацистского режима, тогда поверю. Был большой энтузиазм, а я не могла его разделить. Люстрации не было: почти все начальники остались прежними, поменявшись креслами, лишь кое-кого изгнав.

Я понимаю, что в Ельцине было обаяние, и размах, и хорошие намерения. Только кончилось плохо – сдал всю страну в руки КГБ. Нашел "чистые руки". И Вы это, какими-то иными словами выразив, тоже, как мне показалось, признаете.

Как Вы сегодня, спустя десятилетие, оцениваете фигуру Ельцина? Если эта переоценка произошла, то когда?

Был момент, когда мне казалось, что реформы Гайдара могут создать эффективную экономику, но он не вытянул. Книга его о падении империи очень интересна, многое объясняет, но задним числом.

Была ли у Вас в то время какая-то концепция переустройства или Вы были вполне удовлетворены теми большими возможностями, которые тогда открылись перед предпринимателями? Нет сомнений в том, что Вы оказались очень хорошим директором очень большого, на полстраны, завода.

Наконец самый болезненный из всех возможных вопросов. Настолько болезненный, что я готова не получить на него ответа. Вообще снять вопрос. Был момент, когда близкие к Ельцину люди получали в управление или во владение, или в собственность огромные куски в виде “фабрик, заводов, газет, пароходов”. Было одно распределение, потом ряд последующих “перераспределений”. Часто очень жестких. К этому времени Вы уже стали “директором завода”. Где в тот период проходили границы дозволенного для Вас?

Да, относительно вольтерьянства. Старец весь мир взбаламутил своими идеями. А прижитых от прислуги детей велел сдавать в приют. Или это Руссо? Это просто какой-то капитальный закон природы: чем возвышеннее идеи, тем гнусней практика жизни...

Вот. Вношу поправку в вопрос: что из идей Вашей молодости, когда Вы мечтали быть “директором завода”, вы сохранили? Что утратили? Я, конечно, о системе ценностей речь веду.

Я Ваше имя выделила из ряда олигархов, когда в одной детской колонии, куда меня занесло вместе с подругами-психологами, обнаружила компьютерный класс, на Ваши деньги организованный, а потом еще в разных сферах натыкалась на следы “Открытой России”, Вашего детища. Несколько лет спустя, когда Вы уже были арестованы, я попала в лицей “Коралово”, познакомилась с Вашими родителями и увидела там невообразимо прекрасно устроенный остров для детей-сирот и полусирот. Ничего похожего я не видела нигде в Европе. Тоже Вашими усилиями построенное дело.

Вы пишете, что для Вас поворотным пунктом в отношениях с властью был разгром НТВ. У каждого человека действительно “свой Рубикон”. Но до этого времени Вы как-то выстраивали отношения с властью, все более теряющей чувство приличия. Еще один жесткий вопрос: у Вас было ощущение, что этот процесс можно изменить? Если бы НТВ сохранилось, вы смогли бы наладить подпорченные отношения с Кремлем?

Пресса продажна и послушна властям во всем мире. Вопрос в том, что в разных странах разного размера труба для выхлопа отрицательных эмоций. Неужели Ваш конфликт произошел из-за диаметра не нефтяной, а информационной трубы? Для меня это значило бы, что вы, будучи прагматиком и практиком, не растратили романтических иллюзий.

Вы простите меня, может, что-то получилось жестко в этом письме. Но “золотой век” кончился. Иллюзии развеялись. Мало времени на размышления. У меня к тому же острее чувство катастрофически “сжимающегося” времени. Хочется напоследок “дойти до самой сути”. Впрочем, никому не удавалось. Ну, хоть приблизиться сколько возможно.

И еще есть одна проблема, которую хотелось бы обсудить: человек – его частная жизнь и давление общества. Как сохранять свое достоинство, свои ценности... Как эти ценности меняются? И меняются ли? Когда человек находится в лагере, возникает уникальный опыт, отличный от здешнего. Это я заранее Вас предупреждаю, о чем еще мне хотелось бы с Вами поговорить, если будет такая возможность.

Желаю Вам здоровья, твердости и спокойствия.

С уважением, Людмила

6.
05.06.09.

Уважаемая Людмила Евгеньевна,

был очень рад получить Ваше письмо, воспринимаемое мной как справедливый “подзатыльник”.

Мои родители специально сделали так, чтобы я не стал “белой вороной” в том обществе. Сейчас я это понимаю, тогда – нет. Более того – и в школе, и в институте я не видел “белых ворон”. Школа была на пролетарской окраине, институт – тоже сугубо “пролетарский” – 70% по путевкам с заводов. Не было у нас

Диалоги. Людмила Евгеньевна Улицкая, Михаил Борисович Ходорковский ulitskaya@ludmila.ru
диссидентов вообще. В институте особенно – факультет оборонный, и если исключали
из комсомола, то автоматически отчисляли. Причем мы считали это справедливым.

Я как секретарь факультетского комитета отказывался исключать из комсомола
отчисляемых из института, т.к. был убежден: не всякий комсомолец может быть
способен к учебе. А вот обратное на оборонном факультете казалось мне абсолютно
справедливым. Ведь мы должны при необходимости отдать жизнь за Родину даже в
мирное время, а как это можно потребовать с некоммуниста? Не
шучу, не утрирую. Ровно так и думал.

“Один день Ивана Денисовича” читал, был потрясен, Сталина ненавидел как
опорочившего дело Партии в интересах культа собственной личности. К Брежневу,
Черненко относился с юмором и пренебрежением – геронтократы, вредят Партии.
Андропова уважал, несмотря на “перегибы на местах”. Вам смешно? Хотел бы
посмеяться. Не выходит.

Я, когда был на практике, не в заводской библиотеке сидел, а гексоген
(взрывчатку) лопатой кидал, на пресс-автомате работал (чуть вместе с приятелем
на тот свет не отправился по собственной ошибке). На сборах были, мне звание
сержанта присвоили и назначили замполитом, а я опять попросился на завод –
снаряды старые разбирать. Мы ведь комсомольцы, нам положено идти на самые
опасные участки. И разбирал под недоуменными взглядами командовавших офицеров с
нашей военной кафедры.

Опять рассмешу: их недоумение не понял, а они ничего не сказали.

К слову, смело ругался с секретарем партбюро. Даже никаких опасений не ощущал.
Он сам приходил на комитет комсомола, где было 20 женщин с заводов и двое-трое
парней – мы с ним спорили, и комитет голосовал за меня, практически 100%.
Парторг жаловался ректору – Ягодину. Девчонки, к слову, мне до сих пор пишут.
Одна из них – моя первая жена, другая уже 20 лет – нынешняя. Пишут, правда, не
только они, но и другие, писала даже парторг (это начальник секретаря партбюро)
Люба Стрельникова.

Не подумайте ничего плохого. Я был в этом плане очень приличным молодым
человеком. Шучу.

Что же касается ощущения внешнего врага, то оно было крайне острым, как и
ощущение причастности к “девятке” – группе оборонных отраслей.

Я, к слову, уже как советник Силаева принимал участие в последнем заседании ВПК
(военно-промышленной комиссии) – “девятка” плюс министерство обороны. Ну, это
отдельная тема.

Я никогда не знал секретаря ЦК по обороне – Бакланова, но потом, после 1991
года, взял его к себе из корпоративной солидарности. Ельцин это знал, но ничего
мне не сказал.

А в 1996 году оборонщики напрямую Ельцину деньги дать отказались (в кредит
Правительству, тогда было такое возможно!), а я попросил – дали под честное
слово. Хотя рисковали головой. Частично на их деньги я и купил ЮКОС, потом
деньги отдал. Они знали, на что я беру. Некоторые из моих знакомых, которых я
считаю хорошими людьми, входили в ЦК КПрФ, некоторые поддерживали ГКЧП (как, к
слову, и Бакланов, и Лукьянов, чья дочь сейчас – мой адвокат).

Это я к тому, Людмила Евгеньевна, что с той стороны баррикады люди были совсем
не “плоские”. “Упертые” в одном и абсолютно порядочные – в другом.

Я, как и они, был солдатом не своей, виртуальной войны. Но мы были честными
солдатами. Защищали то, что считали правдой.

Я Вам еще более рискованную вещь скажу. Мы очень серьезно подходили к
сотрудничеству с КГБ. Мы – это оборонщики. Они работали на нас и одновременно
контролировали нас, но совсем не с точки зрения “политической грамотности”, а с
точки зрения физической охраны, контршпионажа и т.п. Это были очень серьезные,
очень квалифицированные специалисты. Некоторые из них прошли Отечественную войну
на нелегальной работе. Их уроки мне очень пригодились в тюрьме, т.к. у них за
плечами были и тюрьмы, и концлагеря, и зинданы. Они были очень рады, что их опыт

Диалоги. Людмила Евгеньевна Улицкая, Михаил Борисович Ходорковский ulitskaya@ludmila.ru кому-то нужен. Оказалось – еще как нужен!

Были и другие – “НКВДшники”. Их не уважали, сторонились и мы, и те специалисты, о которых я говорил.

К слову, никто из них (из специалистов) никогда не попросил у меня денег. Хотя некоторым я помог найти работу после 1991 года. А их коллеги спасли нам жизнь, отказавшись штурмовать Белый Дом. Некоторых я знал лично, других – опосредованно.

Вот она – судьба. Вот она – гражданская война. А как потом все “запереплеталось”...

Теперь о лидерстве и карьеризме. Не соглашусь – вещи разные. Карьера, в плохом смысле, – это вверх по ступенькам бюрократической лестницы, подхалимничая и пресмыкаясь. Да, таков путь большинства “успешных людей”. Так можно было стать вторым секретарем, заместителем директора завода, начальником управления и даже заместителем министра. Но не “линейным руководителем” – начальником цеха, директором завода. Туда ставили других. Лидеров. И терпели их, т.к. карьеристы на линейных постах “валили” дело. А за дело был спрос.

И Ягодин, и Ельцин терпели меня как “линейного руководителя” абсолютно “в духе партийных традиций”.

Это было такое же место для “иных”, как наука. Только “иных” в другом смысле: политически правоверных, но “плохо гнущихся”.

Если говорить о Борисе Николаевиче, то я не могу быть беспристрастным. Понимаю все его недостатки. Более того, считал в 1999 году, что ему надо уйти. Хотя кандидатуру Путина я не приветствовал, и Путин это знает.

Но Борис Николаевич был фигурой. Глыбой. Настоящий русский царь со всеми плюсами и минусами данной ипостаси. Он сделал много хорошего и много плохого. Чего больше – не мне судить.

Можно ли было Россию глобально изменить сильнее или лучше, чем он? Можно ли было обойтись без “термидора” и нового застоя, без возвращения “товарищей из органов”? Без чеченской войны, без штурма Белого Дома? Наверняка можно. Мы не сумели. Не он – все мы. И какое у меня право судить?

Когда мы познакомились, мне было 23. И я хочу сохранить те свои воспоминания. Он уже умер, и это никому не мешает.

В гайдаровские времена идей переустройства страны в целом, как исторического здания, у меня не было, но было видение “переустройства” экономики. Я был сторонником создания и последующей приватизации не отдельных предприятий, а крупных научно-промышленных комплексов по типу “Газпрома” (не всегда таких масштабных, но аналогичных по структуре). Мы в Правительстве называли это активной промышленной политикой (не только создание, но и некое целеполагание, определение задач и приоритетов).

Когда мои идеи пришлись “не ко двору”, я ушел, предупредив, что воспользуюсь той дурью, которую они понапишут. В том числе и свободно обрастаемыми ваучерами. Надо сказать, я сразу говорил, что это плохо кончится, что чешский пример лучше (там “закрытые фонды”), но мне заявили – как всегда – о моем явно корыстном интересе. Правда, не совсем понятно – каком. И я не стал спорить. Не хотите – не надо.

Зато потом – и вот здесь мы можем поговорить о границах дозволенного – я пользовался любой дыркой в законодательстве и всегда лично рассказывал членам Правительства, какой дыркой в их законах и как я буду пользоваться или уже пользуюсь.

Да, это была маленькая месть, возможно – грех тщеславия. Но, надо отметить, они вели себя прилично: судились, перекрывали дырки новыми законами и инструкциями, злились, однако никогда не обвиняли меня в нечестной игре. Это был наш постоянный турнир.

Прав ли я был по большому счету? Не убежден. С одной стороны – объективно

Диалоги. Людмила Евгеньевна Улицкая, Михаил Борисович Ходорковский ulitskaya@ludmila.ru поднимал промышленность, с другой – подставлял далеко не самое плохое правительство. С одной стороны – конечно, вкладывал все доступные мне средства в индустрию. Эффективно вкладывал. Сам не шиковал и не давал шиковать другим. Но в то же время не очень думал о людях, о социальной ответственности за пределами моего, пусть очень большого, коллектива.

Что же касается “жесткости” при захвате и перераспределении, то вопрос имеет смешной, неправдоподобный ответ.

В “высшей лиге” играло от силы два десятка игроков. Больше просто не было. А список предприятий, например, для “залоговых аукционов” был 800 позиций. У нас всех вместе сил хватило, по-моему, на 70.

Я сам был вынужден бросить все остальное, чтобы справиться с ЮКОСом. Сидеть в командировках безвылазно, бросить банк, распродать и раздать почти все ранее купленные предприятия. Например, мне до этого принадлежала вся отрасль производства стройматериалов Москвы, ряд металлургических заводов, тот же пресловутый “Апатит”.

Это не шутка, это – настоящая работа. И никакие чужие дела меня абсолютно не интересовали. Мы все очень редко реально конкурировали между собой, мы боролись с общим бардаком и разрухой. Бандиты нас тоже практически не атаковали, т.к. им было абсолютно непонятно, что и как можно ухватить в такой гигантской машине. Конечно, бывали “отморозки”, бывали риски, но вообще времена в “высшей лиге” были “вегетарианские” по сравнению с нынешним “днем рейдера”.

Когда, например, Володя Виноградов (“Инкомбанк”), ныне покойный, мешал мне в борьбе за ВНК, я ему предложил отступные, а когда он отказался – задавил суммой залога на аукционе. Что, конечно, обошлось мне недешево.

И это была обычная практика: PR-кампания, лоббирование, деньги. Но не милиция и не криминал. Если бы кто-то был замечен в таком, с ним бы просто перестали иметь дело из соображений безопасности. И быстро бы подставили.

Именно поэтому все поиски Генеральной прокуратуры в последние годы привели к столь неубедительным результатам.

В “высшей лиге”, во всяком случае, до прихода туда граждан с “правоохранительным прошлым”, барьер стоял там, где его можно было защитить в арбитражном суде (пусть не полностью независимом, но и не контролируемом, как сегодня Басманный). Барьер стоял и на уровне допустимой поддержки со стороны чиновников, которые могли встать на твою сторону из собственных соображений, но понимая, что им свою позицию придется всерьез защищать у Премьера и Президента, но не только, а еще и – страшное дело – в СМИ!

То есть сегодняшний уровень “отморозки”, когда люди ощущают полную безответственность при правильности “политической позиции”, – нет, такой уровень было трудно себе представить.

У меня был уволенный начальник НГДУ, Фазлутдинов, который, отстаивая незаконность увольнения, дошел до ВС РФ и победил, получив от меня в качестве компенсации более 40 тысяч долларов (тогда – очень большие деньги). И мое Правовое управление, зная, как оно “попадет” за проигрыш, ничего не смогло сделать.

Пришедшая нам на смену “Роснефть” попросту выкинула его из суда “в шею”. Он приходил плакаться к моему адвокату, который вел его дело в компании.

Нет. Искать дырки в законах и пользоваться ими в полной мере или ограниченно – вот где проходил наш барьер. А демонстрация Правительству его ошибок в законодательстве – главное интеллектуальное удовольствие в этой сфере.

Не могу не отметить, что главной причиной смены моих личных жизненных установок в социально-предпринимательской сфере стал кризис 1998 года. До этого момента я рассматривал бизнес как игру. Только игру. Где надо (хочется) победить, но и проигрыш – не проблема. Игру, где сотни тысяч людей приходили утром на работу, чтобы поиграть вместе со мной. А вечером уходили к своим делам и заботам, со мной не связанным.

Это, конечно, очень схематично. Я сталкивался с проблемами и до 1998 года, но это были проблемы, за которые я лично ответственности не нес: я пришел, а так “уже было”.

И вот 1998 год. Сначала весело – переживем! А потом – август. Катастрофа. Цена на нефть 8 долларов за баррель, себестоимость – 12 долларов за баррель. И нет денег, чтобы отдать долги, и нет денег на зарплату. А людям реально нечего жрать, и это – моя личная ответственность. А нефть внутри страны никто не покупает, на экспорт труба забита. Никто не платит. Банки-кредиторы грозят заблокировать счета за рубежом. В России банки просто не проводят платежи. Березовский дал мне кредит под 80% годовых в валюте!

Приезжаешь на “вахту” – люди не орут, не бастуют – понимают. Просто в обморок падают от голода. Особенно молодежь, у кого своего хозяйства нет или дети маленькие. А больницы... Мы ведь и лекарства покупали, и на лечение отправляли, а здесь – денег нет. И, главное, – эти понимающие лица. Люди, которые просто говорят: “А мы, мол, ничего хорошего и не ждали. Благодарны уже за то, что приехали, разговариваете. Мы потерпим...”. Забастовок с августа 1998 года не было вообще.

В результате после преодоления кризиса мои жизненные установки начали меняться. Я не мог больше быть просто “директором”. В 2000 году мы создали “Открытую Россию”.

Еще раз о взаимоотношениях с Законом. Никогда не считал и не считаю оправданной позицию – “все нарушали”. Если нарушал ты – отвечай. Моя позиция совершенно в другом: наше законодательство (как, впрочем, и законодательство любой другой страны) оставляет множество “белых пятен”, простора для толкований, которые, собственно, и являются предметом деятельности суда (в основном Верховного). Беспредел или, вежливо говоря, “избирательное применение закона”, в деле “ЮКОСа”, заключается в том, что для “ЮКОСа” применяется отдельное, специальное толкование закона. Такое, которое не применяется (и не может быть применено) к другим субъектам аналогичных правоотношений.

Я считаю, что в целом законы у нас нормальные, не хуже и не лучше, чем в остальных странах, а вот с правоприменением, с судами – катастрофа.

Теперь об идеях и ценностях молодости.

– “Страна – осажденная крепость, поэтому все – для укрепления обороноспособности, кругом враги” – это, конечно, ушло, замесившись пониманием интересов стран и народов, которые не всегда (мягко скажем) совпадают с интересами государств и элит. При этом патриотизм – будете смеяться – по отношению к России остался. Он внутри и, например, мешает говорить о стране гадости, даже когда очень хочется.

– Идея коммунизма, как всеобщего “светлого завтра” ушла, оставив в душе горечь от раскрывшегося обмана. Ведь под красивой мечтой скрывался наглый бюрократический тоталитаризм. Причем сама идея социального государства, обеспечивающего систему заботы общества о своих аутсайдерах (вольных или невольных), о равном шансе для каждого из детей – эта идея живет. Но она стала внутренним дополнительным стержнем только после кризиса 1998 года. До этого – обида и желание доказать, что “могу”...

– А вот общечеловеческие ценности пробивались ко мне долго. Думаю, именно тогда, когда они “пробились”, я и восстал. Было это в 2001 году – НТВ, – и восстание было “на коленях”. Но именно тогда на РСРП встал вопрос: что “во-первых” – собственность или свобода слова? Ведь долги НТВ “Газпрому” были реальными. И тогда я для себя пришел к выводу: одного без другого не бывает, и дал НТВ 200 миллионов долларов. Что мне потом записали в обвинение.

Я не революционер. И если бы НТВ сохранили, то я, возможно, и к остальным событиям относился бы менее внимательно. В общем, не спешил бы “выделяться”, оставляя “политику” более активным “товарищам”. Как, впрочем, всегда и поступал. Здесь – не смог. Возникло ощущение удавки на шее.

С этой точки зрения тюрьма – вещь более определенная, менее гнетущая. Хотя,

Диалоги. Людмила Евгеньевна Улицкая, Михаил Борисович Ходорковский ulitskaya@ludmila.ru конечно, во всем остальном – сильно не сахар.

И, конечно, такая развязка не была моей целью. Но меня загнали в угол, из которого другого достойного выхода не было. Мудрый человек, вероятно, избежал бы такой альтернативы.

Что касается проекта “культурной антропологии”, то не уверен, что в области денег я лучший специалист. Подумаю. Пока, если можно, дайте моим адвокатам ссылки, что посмотреть.

Еще раз спасибо за письмо.

М.

7.
24.06.09

Дорогой Михаил Борисович!

Более полугода тому я отправила Вам письмо, которое, как сейчас выяснилось, до Вас не дошло. Надеюсь, что это дойдет.

Происходящий процесс – абсолютно кафкианский – несколько затянулся. Я даже призадумалась: эта бездарность – естественная, “как всегда”, или какой-то сатанинский замысел, в котором учитывается психологическая усталость общества, которое устает реагировать на события, развивающиеся медленно и слабо, как в плохом театре. Хорошо, что есть два участника, Вы и Платон Лебедев, которые время от времени разрывают этот дурной сон.

При этом постоянное ощущение, что разыгрывается игра живых людей не то с тенями, не то с призраками. Может, куклы? Не люди, а какие-то мыльные пузыри, можно было бы сказать – гоголевские персонажи, если бы не так мучительно бездарно все это было поставлено. Нет, нет, конечно, ясно, что есть намерение затянуть процесс, хотя бы для того, чтобы не выпустить Вас на свободу.

А что Вы, Михаил Борисович, на это скажете: это плохая работа постановщиков спектакля или хитроумный ход, рассчитанный на неизбежную усталость общественного мнения? Надежда, что весь мир забудет об этом процессе? Но – не забудет. Будет фигурировать в учебниках истории страны, как процесс Синявского и Даниэля.

Буквально на днях я была на приеме у генерала Калинина по поводу книг для детских колоний, мы собрали 62 посылки. Первый раз в жизни видела живого генерала этого ведомства. Генерал произвел впечатление живого, образованного и профессионального человека. Просто вполне хорошее впечатление. Я понимаю, что управление федеральной системы наказаний – не дамская благотворительная организация помощи бездомным кошечкам, но все-таки...

А как Вы думаете, Михаил Борисович, этот шквал наказаний, который на Вас обрушивается, жизненно опасных и смехотворных “наездов”, которые происходят, – на каком уровне организуется: местного тюремного руководства или самого высшего уровня? Или вообще спускается из другой епархии? Имею в виду Кремль, конечно.

Никак не хотелось бы поставить Вас в более тяжелое положение, чем то, в котором Вы уже находитесь. Поэтому можете не отвечать на этот вопрос.

Когда Дмитрий Медведев стал президентом, за границей все журналисты задавали этот волнующий их вопрос: что я думаю о новом президенте? Что тут отвечать человеку, который имеет роскошь вообще о них не думать – ни о старом, ни о новом? Есть в жизни много вещей поинтереснее. Но отвечала всегда одно и то же: скоро узнаем про нового президента: если Ходорковского отпустят – значит, это другой президент, а если нет, значит – никакого нового президента нет. Вот такая загадка Сфинкса!

А Вы, Михаил Борисович, на своей шкуре, простите, почувствовали, что власть поменялась, или – нисколько она не поменялась?

Диалоги. Людмила Евгеньевна Улицкая, Михаил Борисович Ходорковский ulitskaya@ludmila.ru
У Вас удивительная судьба, Михаил Борисович: Вы уже прожили несколько разных жизней, и, надеюсь, впереди Вас ждет еще прекрасный кусок жизни – деловой и общественной или частной и закрытой, но в любом случае это будет жизнь осмысленная, творческая. Не могу себе представить Вас на пенсии. Как Вы мыслите свою жизнь после освобождения? Сейчас Вы защищаетесь и делаете это великолепно. Что вы будете делать, когда вернетесь домой?

С месяц тому назад я была в “Коралово”, в лицее для сирот, который Вы в свое время организовали. Там новый директор, очень хороший и умный человек, Марина Филипповна и Борис Моисеевич окружены ребятами, и видно, какие у них прекрасные отношения. Отстояли от идиотского налога оставшихся родителей воспитанников, и весь лицей в целом – какая-то воплотившаяся социальная утопия. Следы Вашей благотворительности встречаю часто – именно следы. Разрушено замечательное дело. Я уже не говорю о Вашей компании. Но в данном случае меня интересуют Вы, а не отнятые у Вас деньги.

Что Вы будете делать после освобождения? Не могу себе представить, чтобы Вы не строили планов относительно будущего.

Желаю Вам крепкого здоровья и терпения. Мужества и силы Вам не занимать. Ждем Вас на свободе.

Людмила Улицкая

8.
24.06.09

Уважаемая Людмила,

большое спасибо за Ваше письмо и очень рад возможности поспорить, хотя Вы меня и жалеете в своих комментариях. Это, к слову, неспортивно: Вы лишаете меня права аргументировать свои очень кратко изложенные утверждения, с которыми Вы, как я понимаю, не согласны.

Если что-то напишете более ругательное, “не для печати”, – совсем не обижусь.

Я действительно “государственник”, т.е. считаю, что на ближайшие 20–40 лет (дальше я не заглядываю) роль государства в жизни России (российского общества) должна быть больше, чем сегодня. Однако я совсем не за “жесткую руку”. Убежден: государство – это хорошо работающие институты, живущие за счет налогоплательщика и в интересах налогоплательщика. Со временем многие из них должны быть заменены общественными структурами. Т.е. прекратить жить за счет налогоплательщика, а стать элементом самоорганизации и гражданского служения. И уж, конечно, я против продолжения “татаро-монгольских” традиций, когда государство есть оккупант, собирающий дань с покорного народа и не обязанный отчитываться за использование этой дани, не интересующийся желаниями граждан и диктующий им правила жизни.

Что же касается глобализации, то я – глобалист. Почитайте мою статью о причинах кризиса. Однако убежден, что национально-территориальное деление себя изживет еще не скоро. И если в области экономики, экологии и т.д. глобализация необходима и позитивна, то в области культуры – очень сомневаюсь.

Я лично хочу жить в моей привычной с детства Москве, а не в Баку или Чайнатауне. Даже если из-за этого мой город недосчитается каких-то доходов. Прошу понять правильно, я не сужу о людях по происхождению или национальности, но если человек приезжает в “мой город”, то он должен принимать мои правила, а не навязывать мне свои.

И так думают многие. Комфорт создается культурной средой, совсем не всем нравится Нью-Йорк.

Если я останусь в меньшинстве, значит, уеду искать то место, где люди живут так, как я привык с детства. И это стремление к поиску общества с едиными культурными корнями – стимул очень сильный. Сильнее даже чисто экономического для очень многих людей.

Диалоги. Людмила Евгеньевна Улицкая, Михаил Борисович Ходорковский ulitskaya@ludmila.ru
что касается “честных солдат”... Боюсь, Вы ошибаетесь. С “честным солдатом” мы бы нашли взаимопонимание, т.к. то, что происходит, вредит даже государству. Все гораздо хуже – мы имеем дело с абсолютно развращенной частью бюрократии, которая осмысленно служит не обществу и даже не государству, а своему карману, своим корыстными интересам. В этом проблема: мы живем в государстве циников, у которых нет идеологии, даже “советской”.

Боюсь, что и “великая Россия” для большинства – чистый лозунг, от которого они легко откажутся во имя денег. Попросту уедут в те же США, если получат гарантии безопасности там при риске потерять “непосильно нажитое” здесь.

Теперь про равенство возможностей. Убежден, и сделаю все от меня зависящее, чтобы добиться у нас в России, равенства возможностей для каждого ребенка. Идеал недостижим, как и во всем. Но потратить жизнь на приближение к этому идеалу мне не жалко. Я считаю, что “право на шанс” – главное, что мы должны обеспечить всем детям в России. Да и во всем мире. Экология, образование, политические свободы – это средства обеспечить не только некий минимальный уровень жизни и комфорта каждому, не только для того, чтобы повысить средний уровень жизни, но и предоставить каждому ребенку, каждому человеку возможность полностью реализовать себя вне зависимости от того, в какой семье (или стране в конечном итоге) он родился.

За весь мир я отвечать не берусь, но за следующее российское поколение хочу и могу побороться. Убежден, что это не только одна из главных целей, но и главный ресурс общественного развития.

А о том, чем заниматься “после”, я думаю редко и отвлеченно. Жизнь покажет. Делать то, что можешь, надо, по-моему, здесь и сейчас, каждый день, как будто он последний. Тогда нет времени бояться. Делать, насколько хватает сил и таланта, чтобы потом “не было мучительно больно”, когда вдруг узнаешь, что время кончилось... Если с талантом плоховато, то тогда хоть “примером”. Это и пытаюсь.

Еще раз спасибо за письмо.

С уважением, М. Ходорковский

P.S.: Простите за излишний пафос и неуклюжесть письма. Пишу, сидя в “процессе”, отвлекают...

9.
26.06.09

Дорогой Михаил Борисович!

Спорт сразу отменяем. Мы с Вами не соревнуемся в риторическом искусстве. И разговор наш – не для победы какого-то мнения, моего или Вашего. Он – для наведения внутреннего порядка, для проверки собственных позиций. Может, для их перемен. Это любому думающему человеку полезно.

Какая там может быть ругань с моей стороны: даже ваши враги сегодня Вас не ругают – по той причине, что Вы продемонстрировали огромное моральное превосходство.

Мы с Вами вполне совпадаем в оценке нашего государства – никуда не годится. Именно по той причине, что не служит своей стране, а кормится от нее. Порода государственных мужей, пекущихся о благе Отечества, в нашей стране полностью вывелась. До основания. Но когда Вы говорите о том, что “на ближайшие 20–40 лет роль государства в жизни России (российского общества) должна быть больше, чем сегодня”, меня оторопь берет. У сегодняшней власти огромные, невиданные полномочия, она делает решительно все, что ей в голову взбредет, и в области экономики, и в области политических отношений с миром. Она распределяет совершенно неподотчетно национальные ресурсы, государственные ценности передает в частные руки и успешно выводит их за границу. Как еще, куда дальше увеличивать роль этого государства? И это говорит человек, который на своей шкуре испытал жестокость государственной мести, недееспособность закона, полное отсутствие

Диалоги. Людмила Евгеньевна Улицкая, Михаил Борисович Ходорковский ulitskaya@ludmila.ru
логики и здравого смысла в действиях.

Нет, конечно же, вопрос, с моей точки зрения, в другом: как ввести в какие-то разумные берега то, что происходит в стране, как ограничить “беспредел”, о котором Вам известно гораздо лучше, чем мне. Что надо сделать, чтобы заработали какие ни есть законы, хорошие или плохие, как ограничить полновластие, самодурство чиновников, от мала до велика, их безграничное корыстолюбие и алчность? Я не знаю.

Вот Вы, Михаил Борисович, считаете себя “государственником”. А что это такое, государство? Как вы понимаете его? Оно неразрывно связано с понятием права. Как будем это определять? По Платону, который понимает государство как выражение идеи справедливости при условии, что все у всех общее (то есть запрет на частную собственность), включая жен и детей? По Канту, который полагал, что государство – соединение множества людей под господством права? По Аристотелю, который понимает государство “как общение, организованное ради общего блага”? Или по Ленину: “Государство – машина для угнетения одного класса другим”?

Когда начинаешь читать эти архаические книги, оказывается, что все ужасно устарело, все неприемлемо по разным причинам, кроме Владимира Соловьева: “Право – некоторый минимум нравственности, равно для всех обязательный”. Именно на этом праве и строится государство. Теоретически...

Эти древние давно уже обо всем подумали – их читать интересно (только не подумайте, что я такой уж образованный человек, – это все, как говорила Надежда Яковлевна Мандельштам, “из отрывного календаря”). И еще есть ощущение, что в наше время терминология требует пересмотра, что многие понятия требуют новых определений. Даже такие фундаментальные понятия, как “благо”, “добродетель” – и то требуют переосмысления. Трудно порой определить, что такое социализм, коммунизм, либерал, консерватор, где левое, где правое, где вперед, где назад. Попробую переслать Вам замечательной сборник эссе Умберто Эко “Полный назад”, он там проговаривает эти вещи превосходно – все-таки один из умнейших людей нашего времени.

Таким образом, Михаил Борисович, Ваше заявление, что Вы – “государственник” (я не ставлю это под сомнение, коли Вы так говорите), – меня совершенно обескураживает. Нельзя быть “государственником в принципе”. Это заявление требует пояснений: какого такого государства Вы сторонник? Платоновского? Ленинского, то есть марксовского? Может, нашего? И этого государства роль должна быть еще больше?

Я тоже, как и Вы, считаю, что наше государство плоховато справляется со своими прямыми обязанностями (защита населения от войн и бедности). Хорошо бы, чтобы оно работало лучше. Но как Вы представляете переход от того, что мы имеем в реальности, к тому, что Вы рисуете в воображении? Ни Вы, ни я никак не революционеры: революция – гораздо более страшное зло, чем плохое управление. Бедность, всеобщее убожество и отсутствие комфорта – меньшее зло, чем матросы, ломающие стулья во дворце и сжигающие библиотеки, пролетарии, разграбляющие магазины, и отребье, убивающее прохожих в темных переулках. Не говоря уже о гражданской войне, спутнице революций. В этом пункте мы, кажется, сходимся.

Но государство не будет эволюционировать само собой в том направлении, которое кажется желательным и Вам, и мне. Каким это образом вдруг возникнут эти “хорошо работающие институты, живущие за счет налогоплательщика и в интересах налогоплательщика”, да еще со временем заменяемые сами собой на общественные структуры, являющиеся “элементом самоорганизации и гражданского служения?” Новый Ленин нужен? Новый Троцкий? Нет, тут уж мне князь Кропоткин и Герцен милее.

Сходимся мы с Вами еще и в том, что оба, каждый в своей сфере и со своими возможностями, ведем свою линию поведения, делая то, что считаем полезным для нашего общества. Я никак не могу сравнивать мои очень скромные движения с Вашей замечательной, огромной деятельностью, следы которой я и до сих пор наблюдаю, хотя давно уже Вас ограбили и перекрыли Вам кислород. Не будем обольщаться – накормить инвалидов, обеспечить им приличные условия жизни, разобраться с миллионом бездомных детей и сирот, навести порядок в медицинском обслуживании пенсионеров и всех прочих граждан страны, позаботиться о том, чтобы дать образование поколению, которое не хочет читать книги, а жаждет золотой рыбки для удовлетворения своих желаний, – обязано государство, а не благотворители. Но

Диалоги. Людмила Евгеньевна Улицкая, Михаил Борисович Ходорковский ulitskaya.ludmila.ru
государство само с этим не справляется, а любую инициативу обойтись без него преследует. Особенно горько и трагично это выглядит, когда речь идет об усыновлении детей из детских домов. Без взяток – не проходит. По старым меркам – торговля людьми...

Причина понятна: любое вмешательство общественности немедленно высвечивает полнейшую гнилость чиновничьего аппарата. Невозможно уцепить “стрелочника”, потому что он делится со своим начальством, и оно его защитит. Самая яркая иллюстрация – дело Буданова: его защищают все, кто стоит выше его по служебному положению, потому что все это – одна компания с одними и теми же принципами и повадками. То есть, я хочу сказать – эту систему исправить невозможно. Опрокинуть невозможно. Заменить невозможно. Это – наша система, всех устраивает. Но что можно? В её недрах делать свое дело НЕЗАВИСИМО: я знаю людей, которые не берут взятку. Их мало, им трудно, но они есть. Я знаю людей, которые не воруют: их мало, им трудно, но они есть. В отличие от наших “честных солдат”, они не обязаны выполнять приказы, потому что не ждут ни прибавки к окладу, ни повышения по службе. Таких людей я встречаю и в Москве, и в провинции: в библиотеках, в детских учреждениях, в музеях и даже среди врачей изредка попадаются такие герои. Только они и могут немного изменить атмосферу в обществе.

Тому безликому злу, которое в нашей стране заводится, как плесень от сырости, можно противостоять только лично. Это опасно. Вызывает подозрение, раздражение, зависть и ненависть. Вы, наверное, не раз слышали: “А, ты хочешь, чтобы тебя считали хорошим? Чтобы тебя любили? Показываешь всем нам, окружающим, какое мы дерьмо?”.

Такое у нас общество. Такое у нас государство. Сильное, безнравственное, жестокое. Куда уж больше...

Ну вот, дошли до глобализации и кризиса. Глобализацию никто не придумывал и не продвигал – её заметили, как замечают явление природы: похолодание или потепление. Она, по моим представлениям, есть процесс, совершенно не подверженный управлению. Конечно, можно её тормозить, можно продвигать, но она как явление социальной жизни планеты есть факт, сродни природному. Нравится нам это или не нравится, вопрос другой. Можно что-то корректировать. Но джинн уже вылез из бутылки, и народы будут перемещаться по планете, смешиваться, взаимодействовать, и это тяжелый процесс. Есть целый вымирающий континент, Африка, и то, что сегодня происходит в Испании–Италии в связи с нелегальной эмиграцией, остановить очень трудно. Глобализация означает, что ни африканские страны, ни европейские не смогут решить эту проблему “запретительным образом”, и искать пути решения можно только совместно. Несколько лет тому назад во Флоренции на площади перед Баптистерием разбили лагерь африканцы. Площадь потонула в моче и в фекалиях.

Но это не глобализация – это извечная борьба культуры и варварства. Наряду с глобализацией идет еще один могучий процесс – варваризации. И он в каком-то смысле и сильнее, и страшнее. Мне тоже не нравится жить в Москве, которая стала похожа на Баку или Чайнатаун, но не из-за большого количества китайцев или азербайджанцев, а потому, что на самом деле она превращается в средоточие варварства, в место, где вытаптывается все, похожее на культуру. В моем подъезде нет китайцев или африканцев – это мои соседи вываливают помойные ведра возле мусоропровода, расписывают лифт и стены большими фломастеровыми буквами даже не мата, а названий футбольных команд. Весной, когда тает снег, двор оказывается завален собачьим дерьмом и пустыми бутылками. Китайцы не виноваты, азербайджанцы тоже. Я, как и Вы, разлюбила Москву. Грязный, хамский и опасный город, к тому же уродливый. Последний архитектурный ансамбль на Манежной площади уничтожен стараниями сегодняшних варваров. Начальников города, а не заезжих китайцев и азербайджанцев.

Хотя глобализация – тоже часть культуры, но все-таки у культуры есть свой самостоятельный язык – музыки, изобразительного искусства, литературы. Благодаря глобализации языки быстрее перемешиваются, может быть, даже создается некий новый общий язык, в котором буквами алфавита оказывается музыка “Битлз”, закусочная “Макдоналдс”, “Майкрософт Ворд”, Человек-Паук и китайские упражнения “цигун”. Глобализация не требует принесения себе в жертву драгоценностей национальной культуры. Национальная культура сдается сама.

Того места, к которому Вы привыкли с детства, уже нет и больше не будет. Ищи –

Диалоги. Людмила Евгеньевна Улицкая, Михаил Борисович Ходорковский ulitskaya@ludmila.ru не ищи. Это нашим детям предстоит создавать такие места для жизни, где человеку будет хорошо. И обществ с едиными культурными корнями больше не будет, разве что в Ираке. Всем нам придется делать этот выбор между поликультурным обществом и цельным, традиционным, как в Ираке и Афганистане. Может, есть какие-то иные пути, но я их не знаю. Разве что купить остров?

Говоря о “честных солдатах”, я, скорее, имела в виду, что таковых не бывает. Это всего лишь удобная ширма. Мы действительно живем в государстве циников, и беда не в том, что у них нет идеологии; беда в том, что у них нет совести. Вот, современные коммунисты имеют кой-какую идеологию, и у единороссов есть идеология “великой России”, а возле кормушки все ведут себя одинаково: расталкивают друг друга рылами и чавкают с аппетитом.

Для равенства возможностей я вместе с Вами готова была бы поработать. Вы уже сегодня сотням детей из интерната “Коралово” дали возможность подняться из очень трудного, даже безнадежного положения. Я этому свидетель.

Напоследок расскажу анекдот: “Умер Эйнштейн и предстал пред Господом. Говорит: вот, я умер, теперь уж все равно. Напиши мне формулу Вселенной.”

Господь Бог взял в руки мел и написал. Эйнштейн посмотрел, посмотрел, почесал в затылке и говорит:

– Да ведь здесь ошибка!

– Да, я знаю, – отвечает ему Бог”.

Это точно. Мы живем в мире, где существует ошибка. В самом замысле. Возможно, и не одна. Может, Вам казалось в какой-то момент, что её можно исправить? Я в этом не уверена.

Чтобы завершить наш разговор: Вы, Михаил Борисович, идеалист. Вас в этом не укоряли? Да, да – аналитик, рационалист, ученый и практик великолепный, но при этом – идеалист. Верите в то, что есть в принципе правильные решения, и что все можно просчитать. А если что идет не так – значит, ошибка в расчете.

А мне кажется – не так. Жизнь – скорее искусство, чем наука. Общих решений вообще нет, есть только частные: на данный момент, на данный случай, применительно к этим конкретным обстоятельствам. И сиюминутное точное движение важнее, чем всеобъемлющая концепция. И все, что Вы сейчас делаете и говорите, убеждает меня в том, что с Вами все в порядке: с умом, с сердцем, с совестью.

Поздравляю с днем рождения!

10.
1.07.09

Уважаемая Людмила Евгеньевна,

позвольте мне злоупотребить Вашим вниманием и сделать несколько заметок по Вашему последнему письму относительно государства и его роли.

Начну с определения. Мы очень часто путаем себя, используя одинаковые термины и в исторической науке, и при описании современных процессов, которые иногда бывают следствием многовековой эволюции исходных идей.

Наиболее очевидный пример – демократия как способ государственного управления. Сегодня, попытайтесь мы восстановить институт греческой демократии, – получим тоталитаризм (или авторитаризм в лучшем случае). Ту систему государственных институтов, которую мы называем демократией сегодня, разработали несколько ученых в течение в основном XVIII века.

То же касается и более общего понятия “государство” (более общего в приложении к вопросу государственного управления).

Государство – это способ самоорганизации общества, основанный на имущественных взносах его членов (взносах в той или иной форме, включая нераспределенный общий

Диалоги. Людмила Евгеньевна Улицкая, Михаил Борисович Ходорковский ulitskaya@ludmila.ru доход). Это определение описывает, естественно, опять же государство с точки зрения функции управления, о которой, собственно, и шла речь.

Может ли государство, например, не обладать специальным аппаратом принуждения? Конечно. Нам известно немало государств, где с этой функцией справлялось само общество.

А может ли государство быть “внешним” по отношению к обществу, т.е. не опираться на желание поддерживать именно такую форму управления со стороны большинства своих заинтересованных членов? (Инертная часть общества в управлении не участвует.) Нет! Подчеркиваю: сегодня – нет.

Убежден: форма “внешней” организации общества в сегодняшнем представлении государством в прямом смысле слова не является. Это – оккупационный режим, который нестабилен без внешней поддержки.

В России сегодня – государство. Нравится оно нам или нет.

(Сразу отмечу: есть переходные формы, но они живут в пределах одного поколения (20 лет).)

Вот моя точка зрения о государстве как термине (в приложении к вопросу управления).

Теперь о роли российского государства. Очень хотелось бы одинаково трактовать понятия роли и полномочий.

Полномочия, т.е. законные права вмешиваться в общественную и частную жизнь, у нашего государства действительно огромные, слабо регламентированные и имеющие крайне слабые противовесы, а вот роль, т.е. реальное участие в жизни граждан, – неадекватно маленькая.

Когда я говорю “неадекватно”, то имею в виду не адекватно состоянию общества, которое пока само (помимо государства) не умеет и не хочет решать многие свои проблемы. Наше общество в этом не одиноко, но тогда роль государства должна быть выше.

В частности: доля ВВП (т.е. общественного богатства), перераспределяемая через государство, у нас ниже большинства развитых стран, и уж точно ниже, чем у наших соседей со сходными климатическими условиями. А это – главный, обобщающий показатель, который находит свое практическое отражение в слабой пенсионной системе, системе здравоохранения, транспортной и коммунальной инфраструктурах и т.д.

Но даже если взять тему промышленности, то и здесь роль государства неоправданно мала.

Конечно, Путин может лично принять решение о фактической национализации или смене собственника на любом предприятии. Он может создать 10 госкорпораций и вложить туда гигантское имущество. Это – полномочия.

А вот влияние их (этих полномочий, реализованных в практические действия) на промышленность страны очень невелико. Она остается сырьевой.

И здесь два выхода: либо “либерализм” и посмотрим, что сделает рынок, либо продуманная промышленная политика.

На деле, естественно, – всегда комбинация. Но я (и в этом смысле я – государственный) считаю, что в нынешних условиях на долю промышленности, работающей в рамках “промышленной политики”, должна приходиться значительная часть промпроизводства. Вероятно, 60%.

Что я имею в виду под “промышленной политикой”? Где, когда и сколько должно быть добыто нефти, газа, леса, алмазов и, возможно, еще нескольких стратегических типов сырья. Как? Дело бизнеса. Куда и в какой форме это сырье может быть поставлено. Как и конкретный выбор, в пределах отведенных вариантов – дело бизнеса. Где, сколько и каким образом должно быть произведено электроэнергии, куда она должна быть поставлена (речь идет о стратегических мощностях – примерно

Диалоги. Людмила Евгеньевна Улицкая, Михаил Борисович Ходорковский ulitskaya@ludmila.ru (70% производства). Где строить дороги, где развивать города, университеты. И т.п. вопросы – на сотне страниц, а подвижный, гибкий план (пятилетний, как ни противно) – на сотнях тысяч страниц (если включить региональный аспект).

Зачем? Опять проблема управления. Чтобы работал рынок, нужно иметь не менее трех, а лучше – четырех независимых поставщиков конкретных услуг (продукции) в каждой точке, где она может быть нужна. В небольшой стране эту проблему может решить внешний рынок. В гигантской по территории России (а здесь важны именно территория и транспортная доступность) роль внешнего рынка ограничена, хотя и существенна.

Структура промышленности и транспорта у нас плохая. Особенно после распада СССР. Ждать, пока рынок воссоздаст недостающее, можно очень долго. Необходимо компенсировать ключевые проблемы структурной промышленной политикой, а потом, по мере восстановления “костей” и “нарастания мяса”, выдергивать “титановые спицы” (как при сложном переломе).

Я отстаиваю эту позицию с 1991 года, хотя знаю, что многие либералы, мои друзья, со мной не согласны. Увы, концептуально они ошибаются, а практически сегодня качество государства таково, что оно неспособно справиться с решением этих вопросов. Решать же их надо. Поэтому полномочия государства можно (и нужно) убавить (их чрезмерно много, и они несбалансированны), а вот роль государства, его фактическое участие в экономической и социальной жизни общества, на этом этапе – повысить.

Еще раз извините за то, что отнял у Вас время.

Тему “честных солдат” и прочее, как соотношение расчета и искусства в жизни, с удовольствием и интересом прочитал. Ваша точка зрения мне кажется неабсолютной, но очень полезной для такого “комсомольца” и “технаря”, как я. Спасибо. Буду думать.

С уважением и признательностью, М. Ходорковский

11.
08.07.09

Дорогой Михаил Борисович!

Ваши размышления о государстве и госуправлении выглядят вполне убедительно. Я по образованию биолог, и некоторые принципы, которые работают в природе, я с внутренней готовностью легко переношу на социальные механизмы. Здесь очень много общего, и эволюция в биологическом мире мне представляется самым фундаментальным законом. Нервная система, то есть система управления в высшем смысле, произошла из недифференцированных тканей. Мы не знаем, почему это произошло, – вероятно, в силу внутренней необходимости, не улавливаемой нашим интеллектом. Скажем приблизительно так. Но рассматривая существа на разном уровне эволюции, мы можем понять, как именно шел этот процесс. Каждое существо – памятник определенной ступени. Здесь существенно, что эта “высшая формация”, нервная система, в принципе не работает “против” организма. Если бы такое случилось, организм ответил бы немедленной гибелью, и нервная система погибла бы вместе с организмом. Собственно, эта аналогия может быть применена и к системе “государство–общество”. Плохо работает государство – погибает общество; погибает, соответственно, и государство.

Биологические процессы абсолютно не имеют “этического” аспекта. Социальные – имеют. Такая странная вещь, как нравственность, не бывает ни классовой, ни групповой – она прикреплена исключительно к личности. Каково бы ни было государственное устройство, управление всегда в руках одного человека или небольшой группы лиц. Уровень их нравственности, как мне представляется, очень многое определяет. Теократическое, монархическое, демократическое или социалистическое государство хороши или плохи, как мне представляется, в зависимости от уровня нравственности его руководителей. В этом смысле хорошая монархия лучше плохой демократии. Лев Шестов сто лет тому назад сказал: “Где нет свободы, там нет хлеба”. Где нет нравственности, не может быть никакой социальной справедливости – так я позволю себе перефразировать.

Мне с Вами дискутировать трудно – у Вас большой опыт и конкретные знания процесса управления. Но тут на прошлой неделе приехал ко мне приятель – физик-теоретик, живущий тридцать лет в Европе, переводчик многих книг по теории управления, и несколько вечеров мы с ним “терли” все те вопросы, которые Вы в своем письме затрагивали. Я была Вашим самозванным представителем, а он страшно на меня напал, выстраивал совершенно иную систему доводов. Вы бы с ним побеседовали гораздо более продуктивно, чем я. В результате, втянутая в малознакомый мне круг проблем, я взялась читать толстенный том Джона Ролсона Сола (“Ублюдки Вольтера: Диктатура разума на Западе”). Не знаю, дочитаю ли до конца, но такое чувство, что книга эта полемизирует с Вами гораздо лучше, чем я смогла бы.

Признаюсь честно, что многое из того, что Вы написали в последнем письме, вызывает у меня внутренний протест. Признаюсь также, что я целую неделю писала Вам очень старательный ответ по существу – на каждое Ваше высказывание, – а потом поняла, что нет у меня ни достаточной квалификации, ни подлинного интереса к тем темам, которые для Вас столь важны. Вплоть до того, что возникло чувство тоски, знакомое мне со школьных лет, когда нужно было сдать экзамен по обществоведению, или позднее, в университете, по истории партии. Нет, невозможно.

Ведь моя роль по существу сводится сейчас к тому, чтобы дать Вам повод высказать все то, что Вы за последние шесть лет обдумали, чтобы множество людей, чьи глаза устремлены на Вас и чьи души повернуты к Вам – прежде всего к Вам как человеку, вынужденному платить по крупным общественным счетам своей личной, уникальной, неповторимой жизнью и здоровьем, – узнали, за что именно Вы платите.

Я горячо надеюсь, что случится еще в жизни момент, когда мы посидим вдвоем за чаем, – приглашу моего приятеля, с которым мы всю неделю обсуждали Ваши соображения относительно государства, его полномочиях и роли, – и вы будете сражаться, а я сидеть в уголке, наблюдать и слушать; это с юности мое любимое занятие – послушать умные споры.

Желаю сил, здоровья, бодрости.
Людмила

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке <http://ulitskaya@ludmila.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!